

КРИСТОФЕР ИШЕРВУД

ФИАЛКА ПРАТЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)(460)
ББК 87.3(4Исп)
Г77

Серия «Эксклюзивная классика»

Christopher Isherwood
PRATER VIOLET

Перевод с английского *Н. Абдуллина*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследника автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK). Ltd.

Ишервуд, Кристофер.

И97 Фиалка Пратера [роман] / Кристофер Ишервуд ; [перевод с английского Н. Абдуллина]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 160 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133317-1

Уморительная история из «золотого века» кинематографа о голливудской постановке сентиментального и безвкусного комедийного мюзикла. Английский писатель, молодой Кристофер Ишервуд, поддавшись уговорам режиссера и из желания заработать, ввязывается в эту авантюру и пытается спасти никудышный сценарий. Тем временем на дворе 1934 год — кабаре, кино, бурная светская жизнь и аншлюс Австрии...

Эксцентричные мэтры и их усталые помощницы, подковерные интриги и профессиональные амбиции, реальные и вымышленные происки конкурентов и все прочее, что обычно ускользает от света софитов.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Christopher Isherwood, 1945, 1973
© Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Посвящается Рене Блан-Роос

- Мистер Ишервуд?
- Слушаю.
- Кристофер Ишервуд?
- Да, это я.
- Знаете, мы вчера весь день не могли до вас дозвониться, — с легкой укоризной произнес голос на том конце провода.
- Меня не было дома.
- Не было дома? — Кажется, звонивший мне не поверил.
- Да.
- А, понятно... — Задумчивая пауза, затем с подозрением: — Странно... У вас постоянно было занято.
- Простите, а с кем имею честь? — резко-вато поинтересовался я.
- «Империал буллдог».
- Кто-кто?
- «Империал буллдог пикчерз». Я звоню от имени мистера Четсворта... К слову, вы не бывали в Блэкпуле в тысяча девятьсот тридцатом году?

— Вы что-то напутали... — Я уже приготовился повесить трубку. — Ни разу в жизни не бывал в Блэкпуле.

— Прелестно! — Мой собеседник деловито хохотнул. — Значит, вы и мюзикл под названием «Фиалка Пратера» не видели?

— Нет. При чем тут?..

— Его сняли после трех показов. Однако мистеру Четсворту нравится музыка и почти все песни... Кстати, ваш агент утверждает, что вы прямо-таки знаток Вены.

— Вены? Я ездил туда всего раз, и то на неделю.

— Всего на неделю? — сварливо повторил голос. — Не может быть. Нам дали понять, что вы там жили.

— Речь, наверное, шла о Берлине.

— Ах, Берлин? Там ведь почти как в Вене? Мистеру Четсворту нужен человек, понимающий европейцев. Вы же говорите по-немецки? Это пригодилось бы, ведь режиссером у нас будет Фридрих Бергманн из Вены.

— А-а...

— Сам Фридрих Бергманн.

— Не слыхал о таком.

— Странно. Он тоже много проработал в Берлине. Вы не работали там в сфере кино?

— Я никогда и нигде в кино не работал.

— Как не работали? — испуганно спросили меня и тут же, оживившись, добавили: — Впрочем, не важно, мистеру Четсворту, по-моему, все равно. Он часто привлекает авторов без опыта в кинематографе. Я бы на вашем месте не волновался...

— Послушайте, — перебил я, — с чего вы взяли, будто мне хоть сколько-нибудь интересно ваше предложение?

— О... знаете, мистер Ишервуд, это уже, боюсь, вне моей компетенции... — затараторили в трубке. — Уверен, мистер Кац все уладит с вашим агентом. Не сомневаюсь, мы с вами как-нибудь договоримся. Будем на связи. До свидания...

— Минуту, я...

Трубку повесили. В некотором возмущении я, как дурачок, принялся давить на рычаг. Потом отыскал в справочнике номер «Империял бул-дог», набрал было его и тут же положил трубку. Вернулся в столовую — мама с Ричардом, моим младшим братом, все еще сидели за столом. Я встал в дверном проеме и как ни в чем не бывало закурил.

— Это Стивен? — спросила мама. Обычно она знает, когда нужно заговорить первой.

— Нет. — Я выдохнул облако густого дыма и хмуро взглянул на каминную полку, где тикали часы. — Киношники.

— Киношники! — Ричард со звоном опустил чашку на блюдце. — О, Кристофер, это же здорово! Я нахмурился сильнее.

Выдержав должную паузу, братец очень и очень осторожно поинтересовался:

— Хотели, чтобы ты написал им сценарий?

— Судя по всему, — скучающе протянул я.

— О, Кристофер, это так увлекательно! О чем фильм? Или тебе нельзя говорить?

— Я не спрашивал.

— А, понятно... Когда приступаешь?

— Никогда. Я отказался.

— Отказался? О... жалость какая!

— Вообще-то...

— А что так? Мало денег предлагали?

— О деньгах мы не говорили, — с намеком на укор ответил я Ричарду.

— Ну да, конечно, это не твое дело. О таких вещах договаривается агент. Уж он-то знает, как выдоить заказчика досуха. И много ты запросишь?

— Я же тебе сказал: я отклонил предложение.

Повисла еще пауза, после которой мама самым своим заботливым и беззаботным тоном произнесла:

— Право слово, фильмы нынче день ото дня становятся только глупее. Неудивительно, что путного писателя в кино никакими деньгами не заманишь.

Я молчал, но хмурился уже не так сильно.

— Думаю, через пару минут они перезвонят, — с надеждой произнес Ричард.

— С какой стати?

— Должно быть, ты нужен им позарез, иначе стали бы они звонить в такую рань? К тому же киношники отказов не принимают, так ведь?

— Поди, звонят уже следующему в списке кандидатов, — фальшиво зевнул я. — Ладно, пойду, что ли, домочаю одиннадцатую главу.

— Умеешь же ты сохранить хладнокровие в любой ситуации, — восхищенно и с полным отсутствием Софоклова сарказма похвалил меня Ричард. — Я бы на твоём месте так переволновался, что до конца дня не сумел бы выжать из себя и слова.

— Увидимся, — пробормотал я, снова зевая и потягиваясь, однако у двери на меня напала такая нерешительность, что я застыл, глядя на сервант. Потеребил ключик в замке на ящике с ложками, закрыл его, открыл, закрыл. Высморкался.

— Еще чаю? — предложила мама, с легкой улыбкой глядя на мое представление.

— О, не отказывайся, Кристофер, он еще совсем не остыл!

Не говоря ни слова, я вернулся за стол. Утренняя газета так и лежала там, где я бросил ее полчаса назад, — смятая и безвольная, будто из нее кровью утекли все новости. По-прежнему муссировали тему выхода Германии из Лиги Наций. Какой-то эксперт предсказывал, что где-то в следующем году, когда линия Мажино* станет неузвжимой, Гитлеру нанесут превентивный удар. Геббельс предупредил германский народ, что на выборах двенадцатого ноября** будет всего два пункта: «за» и «за». Губернатор Кентукки Руби Лаффун присвоил Мэй Уэст*** звание полковника.

— Дантист кухни Эдит, — сообщила мама, передавая мне чашку, — похоже, не сомневается, что Гитлер скоро нападет на Австрию.

* Названная так в честь военного министра Андре Мажино (1877–1932) линия французских укреплений на границе с Германией. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** 12 ноября 1933 года в Германии состоялись парламентские выборы. После запрета на деятельность любых партий, кроме НСДАП, у голосующих попросту не оставалось альтернативы.

*** Мэй Уэст (1893–1980) — скандально известная американская актриса, сценарист и драматург. За ярко выраженную сексуальную тематику ее пьесы неоднократно подвергались жесткой критике и снимались с показа.

— Серьезно? — Я как-то вдруг повеселел и, сделав большой глоток, откинулся на спинку стула. — Право, у дантистов такие источники сведений, каких больше ни у кого нет. Вот только я в своем неведении не возьму в толк, каким образом...

И меня понесло. Мама подливала чаю Ричарду и себе. Словно разыгрывая пантомиму, они с улыбками передавали друг другу молоко и сахар, а потом сидели, с комфортом откинувшись на спинки, — ни дать ни взять завсегдатаи ресторана при первых нотах любимой мелодии.

Через десять минут я разгромил все возможные аргументы, которых стоило ожидать от дантиста, и еще много тех, которых не стоило. В ход пошли мои любимые словечки: гауляйтер, солидарность, демарш, диалектичный, гляйхшальтунг*, инфильтрация, аншлюс, реализм, транш, партиец. Затем, закурив еще сигарету и переведя дух, я вкратце принялся рассказывать историю национал-социализма после Пивного путча**.

Зазвонил телефон.

* От нем. *gleich* (одинаковый) и *schaltung* (включение). Проводимая НСДАП политика насильственного вовлечения в идеологию нацистов, искоренения выбора и инакомыслия.

** Предпринятая Гитлером попытка государственного переворота 8–9 ноября 1923 года в Мюнхене.

— Вот ведь докучливая штукавина! — мягко посетовал Ричард. — Вечно звонит, когда ты рассказываешь что-нибудь интересное. Не отвечай. Скоро им надоест...

Однако я уже вскочил с места, едва не опрокинув стул, и выбежал в коридор.

— Алло, — запыхавшись, произнес я в трубку.

Ответа не было. Лишь кто-то горячо с кем-то спорил на фоне музыки по радио.

— Алло? — повторил я.

Голоса зазвучали еще тише.

— Алло! — уже кричал я.

На этот раз меня услышали. Трубку накрыли ладонью, окончательно глуша голоса и музыку.

— Ну и черт с вами!

Ладонь убрали.

— Идиотизм! — пророкотал мужской голос с сильным иностранным акцентом. — Словами не выразишь!

— Алло! — закричал я. — Алло! Алло! Алло! Алло! Алло!

— Подождите, — отрывисто, будто назойливого ребенка, попросил иностранец.

— Черта с два я стану ждать! — Прозвучало так глупо, что я сам расхохотался.

С трубки на том конце снова убрали ладонь, и в микрофон водой из-за прорванной плотины хлынули голоса и музыка. Да как громко!

— Алло, — быстро и нетерпеливо заговорил иностранец. — Алло, алло!

— Алло?

— Алло? Это доктор Бергманн.

— Доброе утро, доктор Бергманн.

— Да? Доброе утро. Алло? Алло, я бы хотел поговорить с мистером Ишервудом. Немедленно, если позволите.

— Слушаю.

— Мистер Кри-истоф-фер Ишерву-уд... — очень осторожно, как будто читая с бумаги, протянул доктор Бергманн.

— Да. Это я.

— *Ja, ja...** — Терпение Бергманна достигло предела. — Я бы хотел лично переговорить с мистером Ишервудом. Позовите его, будьте добры.

— Кристофер Ишервуд — это я, — ответил я на немецком. — С вами только я и говорил.

— Ах, так это вы, мистер Ишервуд! Чудесно! Что же вы сразу не сказали? И вы знаете мой язык? Bravo! *Endlich ein vernünftiger Mensch!*** Вы не представляете, как я рад вас слышать! Скажите, дружище, можете вы ко мне приехать, прямо сейчас?

* Да, да (нем.).

** Наконец хоть один разумный человек! (нем.)

— Сегодня, хотите сказать? — насторожился я.

— Нет, сейчас, как можно немедленно, сей же миг.

— У меня жутко занятое утро... — попробовал отговориться я, однако доктор Бергманн перебил меня, страдальчески вздохнув:

— Какая глупая затея. Просто ужас. Я сдаюсь.

— Впрочем, после обеда я бы, пожалуй...

Бергманн как будто не слышал.

— Безнадежно, — бормотал он. — Я совершенно один в этом проклятом идиотском городе. Никто ни слова не понимает. Ужас. Ничего не поделаешь.

— А вы бы не могли, — предложил я, — приехать ко мне?

— Нет, нет. Ничего не поделаешь. Забудьте. Это все чересчур сложно. *Scheusslich**. — Повисла пауза.

Я в напряжении закусил губу и стал обдумывать главу одиннадцатую. Решимость постепенно таяла... Да будь он проклят!

— Где вы живете? — без энтузиазма спросил я.

Бергманн там к кому-то обернулся и воинственно проревел:

— Где я живу?

* Отвратительно (нем.).

Я не расслышал, что ему ответили. Сам Бергманн прорычал:

— Ни слова не понимаю. Вот сами ему и скажите.

— Алло, сэр? — уверенно заговорил со мной кокни*. — Мы в отеле «У Кована», что в Бишопсгейте. Сразу через улицу от станции метро. Не промахнетесь.

— Благодарю, — ответил я. — Скоро буду. До св...

Бергманн торопливо заговорил:

— Момент! Момент! — После непродолжительной, но яростной борьбы он, похоже, вновь завладел трубкой: — Скажите, друг мой, когда вы будете?

— О, примерно через час.

— Час? Это слишком долго. На чем вы едете?

— На метро.

— Не лучше ли взять такси?

— Нет, — решительно возразил я, прикинув стоимость поездки от Кенсингтона до станции «Ливерпуль-стрит», — не лучше.

— Почему же?

* Один из известнейших лондонских диалектов, характерный для представителей средних и низших слоев города. Известен главным образом за счет неверного произношения и рифмованного сленга.